

Шляев Михаил Алексеевич (1937–1998).

Поэт. Родился в Новосибирской области в семье сельских учителей. После окончания школы поехал поднимать целину. Работал на заводе «Сибсельмаш»: электриком, диспетчером, инженером, редактором заводской многотиражки, директором заводского музея боевой и трудовой славы. Многие годы руководил литературным объединением «Молодость». Первые стихи были напечатаны в многотиражке «Знамя труда». Поэму «Вкус хлеба» опубликовал журнал «Сибирские огни» (1964). Поэма вызвала одобрительные отзывы А. Твардовского, В. Фёдорова, Л. Решетникова. Книги стихов: «Под ранней звездой»(1989); «Городская ласточка» (1998).

Баллада о вѣтлах

В тот самый год, как грянула война,
Ушли в солдаты парни из села.
Старуха-мать пять вѣтел у окна
Воткнула и слезами полила.
И загадала: ежели придут
С войны сыны любимые домой,
То вѣтлы пусть не вянут, а растут.
А коль беда?.. Спаси их, Боже мой!
И выбрала тем вѣтлам имена,
Всем имена сыновние дала...
Проходит год, но всё лютей война,
И стала сохнуть первая ветла.
Потом ещё два года протекли,
В снегах и грозах, в ливнях и росе,
Поникли сразу средних три ветлы,
А пятая стоит во всей красе.

И тридцать лет прошло с конца войны,
Ветла ветвями крышу достаёт.
Старуха-мать сквозь холод седины
Меньшого ждать домой не устаёт.

* * *

Мне стынью помнится война:
Свод неба льдисто-синий,
Сугробов белая стена,
На стенах в доме иней.
А стуже будто нет конца,
Насквозь продрогло небо.
И нет на матери лица:
В избе ни крошки хлеба.
Мне душу студит с детских дней
Гурьба сосулёк с крыши,
Что зябко виснут по весне,
Как ноги ребятишек.

Керосиновая лампа

Свет пробивался чрез окошко
Цветком жарка в ночную тьму,
«Ну, почитай ещё немножко!»-
Мы просим маму, льнём к письму.
И мама вновь и вновь читает
От папки с фронта письмецо.
Огонь под вздохами мотает,
И в бликах мамино лицо.
И нет конца письму... Но льдиной
Свет тает на краю стола...
Была нам лампой Аладдина
простая лампа из стекла.

Оленёнок

Сгубили важенку с рассветом,
И оленёнку нелегко.
Он молча тычется в планету,
Что пахнет тёплым молоком.
Потухли первые капризы
В его несмыслящих зрачках,
И он напротив целой жизни
Стоит на тоненьких ногах.

Корова

Самой бедою неминучей,
Хоть шворка шею стёрла в кровь,
Она тянула воз скрипучий
Селом военным вновь и вновь.
Устав под грузом до отказа.
Копыта сбив до хромоты,
Чтоб отдохнуть, она ни разу
От баб не пряталась в кусты.
И в зной под оводом не билась,
И, связанная немотой,
Во сне и то едва ль гордилась
Своей коровьей красотой.
И благодарствуя немало
За скрытый вьюгами покой,
Она лишь сена клоч жевала
И нас кормила молоком.
И по весне дорогой талой
Опять под шворкою брела –
И впрямь как будто понимала,
Что бабья доля злей была.